

Разные экклезиологические подходы к разрыву Брестской унии на территории Российской империи в 1839 г.

12 (по ст. ст.) февраля 1839 г. на соборе униатского духовенства в Полоцке союз с Римом части белорусско-украинской церкви был объявлен недействительным. В результате более полутора миллионов католиков восточного обряда, проживавших на территории российского государства, вошли в состав Русской православной церкви. Полоцкий собор не был спонтанным событием. Он имел одиннадцатилетнюю предысторию. Поскольку с богословской точки зрения уния по преимуществу представляет собой экклезиологическую проблему, наиболее интересно выявить разные экклезиологические подходы, лежавшие в основании ликвидации унии, и коллизии при их применении.

Со времени массового воссоединения униатов с православными в 1795-96 гг. вплоть до 1833 г. православная церковь не проводила среди униатов целенаправленной миссии. В глазах православных они представляли собой твердых католиков, уже практически потерянных для Восточного Христианства. Римское вероучение униатов было весомее того факта, что они продолжали практиковать восточный обряд. Такой взгляд усиливался выраженным в законодательстве отношением к унии правительства. Согласно законам Российской империи уния не выделялась в отдельную церковную общину, а составляла часть католической церкви. Вместе они относились к разряду «терпимых» вероисповеданий. Поэтому высшее церковное управление унии было объединено с высшим римо-католическим церковным управлением, и на униатское духовенство распространялись все привилегии, права и обязанности, принадлежавшие клиру латинского обряда. Более того, в Российской империи «вероисповедание рассматривалось в качестве главного отличительного признака наций, этносов и этнических групп» [1, с. 97]. Исходя из этого, белорусско-украинские униаты относились к полякам, независимо от их реальной этнической принадлежности. Все это вело к тому, что православная церковь, несмотря на желание вернуть свои прежние позиции на белорусских и украинских землях, в первой трети XIX в. к миссии среди униатов не приступала так же, как она не миссионерствовала среди польских католиков. В речи, произнесенной по случаю 25-летнего юбилея царствования Николая I, святитель Филарет Московский, посвященный во многие государственные секреты, а следовательно, с твердым знанием дела, говорил: «Правительство русское поступало с ними (т.е. униатами – А.Р.) по правилам веротерпимости. Посему, сколько должно было желать, столько же мало можно было надеяться их воссоединения с православною церковью» [15, Т. 5, с. 107 – 108]. Положение изменилось после восстания 1830-31 гг. Вооруженное выступление сторонников восстановления Речи Посполитой всколыхнуло все российское общество, заставило его обратить пристальное внимание на приобретенные от Польско-Литовского государства земли. Правительство Николая I постаралось комплексно решать вопрос об их полной интеграции. Это касалось и церковных

вопросов. Поэтому вполне закономерно на волне новых общественных настроений, в русле определенно наметившейся, направленной на подрыв влияния польского костела, политики властей, в 1833 г. православными среди католиков восточного обряда начала проводиться миссионерская работа. Она была организована в новосозданной Полоцкой православной епархии епископом Смарагдом Кржижановским. При деятельной поддержке обер-прокурора Св. Синода С.Д. Нечаева и немногочисленных православных помещиков и чиновников в западных губерниях эта миссия вскоре захватила все православные епархии на территории которых проживали униаты.

Обращение униатов под руководством преосвященного Смарагда осуществлялось исходя из общих православных экклезиологических взглядов: церковь, хранящая неповрежденную христианскую Истину, одна и это – Вселенская Православная Церковь; подчинение римским первосвященникам не является необходимым условием спасения. Поскольку к униатам относились как к католикам и полякам, хотя и второго сорта из-за практикуемого ими восточного обряда и непольских этнических корней (владыка Смарагд называл белорусов-униатов «белорусскими поляками» [14, с. 455], а греко-католических священников «униатскими ксендзами» [14, с. 456]), то они принимались в Церковь на основании недвусмысленно выраженного личного желания по третьему чину [12, с. С. XXXIII], т.е. отречением от прежнего заблуждения, раскаянием в личных грехах, исповеданием православного Символа веры, особых молитвословий и епископского разрешения от грехов [2, с. 476]. Чтобы реализовать этот порядок православные миссионеры непосредственно обращались к греко-католическим священникам и простым верующим-униатам с проповедью православия и предложением присоединиться к Русской церкви. Такой подход не может подвергнуться критике. В то же время, по воспоминаниям современников, работа с униатами православных миссионеров, в число которых вместе с духовными лицами входили государственные чиновники, часто носила формальный характер и вызывала нарекания из-за нечистоплотности методов убеждения людей.

В экклезиологическом подходе организованной владыкой Смарагдом миссии содержалась изрядная доля противоречия, т.к. униаты при католическом вероисповедании все-таки практиковали восточный обряд, и их предки некогда были православными. Наконец, несмотря на близость к полякам поляками они не являлись. Это Полоцкий преосвященный хорошо понимал, поэтому в обращениях к униатам называл их «полуправославными» [14, с. 457], что свидетельствует об его настоящем, а не официальном экклезиологическом взгляде на греко-католиков. С одной стороны, это питало его надежды на успех миссии. С другой стороны, какого-то особого подхода для обращения униатов он придумать не сумел, да и, по-видимому, не считал нужным придумывать.

Православная миссия в белорусских губерниях проходила в труднейших условиях подавляющего религиозно-культурного и экономического господства римского католицизма и полонизма. Поэтому ее результаты были наибольшими в имениях православных помещиков и там, где управляющими имений были православные. В местах, где всеобъемлющее влияние на простой народ принадлежало католической шляхте, а таких мест было неизмеримо больше, православная миссия, как правило, успеха не имела. Тем не менее миссионерские усилия епископа Смарагда принесли достаточно большие плоды: в 1833 г. из унии в Православие обратилось до 30 000 человек, в 1834 г. 35 297

человек, в 1835 – 44 398, в 1836 – 46 777 [9, л. 22].

Миссия под руководством Полоцкого преосвященного Смарагда имела печальную судьбу. Сначала она была существенно ограничена составленной по инициативе правительства святителем Филаретом Московским инструкцией под названием «Мысли и советы для православных архиереев, которых паствы сопредельны с разномыслящими в вере и уклонившимся от православия». Затем эта миссия неожиданно оказалась полностью остановлена в самом начале 1837 г. В «благодарность» за присоединение к православию более 150 000 греко-католиков преосвященный Смарагд был удален из мест компактного проживания униатов. Объясняется это тем, что его деятельность вошла в противоречие с проектом общего возвращения российских униатов в православие, который осуществлялся с 1828 г. и о котором ни православный Полоцкий епископ, ни обер-прокурор Св. Синода С.Д. Нечаев не были поставлены в известность до середины 1834 г. Этот проект тоже строился на православном экклезиологическом основании, но при его реализации использовался совершенно другой подход.

Идея общего воссоединения российских греко-католиков целиком принадлежала молодому униатскому священнику – прелату Иосифу Семашко, который разочаровался в католицизме и в 1827 г. начал предпринимать шаги для личного перехода в православие. До него ни представители российской высшей власти, ни православное духовенство не видели возможности полностью ликвидировать унию. В царствование Александра I правительство, отвечая на требования униатского митрополита Ираклия Лисовского, а также сторонников конфессиализации унии, собравшихся в Брестском епархиальном капитуле, лишь пыталось препятствовать латинскому прозелитизму и старалось помочь греко-католикам обустроить церковную жизнь в непривычных для них новых общественно-политических условиях. В первые годы правления Николая I наметилось стремление к полной интеграции приобретенных от Речи Посполитой территорий с остальной частью империи. В его русле унии попытались вернуть внешние черты Восточной церкви, во многом ею к тому времени утраченные. Новый взгляд правительства на греко-католицизм нашел отражение в указе от 9 октября 1827 г., направленном на ослабление латинизаторского базилианского ордена и очищение униатского богослужения от латинских наслоений. Но этим дело и ограничивалось. О призыве униатов к православию речи не шло. Их деполонизация и делатинизация считались вполне приемлемым результатом. В таких условиях на историческую сцену выступил Иосиф Семашко, будущий архиерей-воссоединитель, митрополит Литовский и Виленский.

Мысль о том, что униатская церковь в полном составе может вернуться к православному вероисповеданию и воссоединиться с Русской церковью впервые была высказана владыкой Иосифом в записке от 5 ноября 1827 г. под названием «О положении в России униатской церкви и средствах возвратить оную на лоно церкви православной». Эта мысль облекалась в очень осторожную форму, т.к. автор не был уверен в решимости правительства вмешаться в церковные дела и полностью уничтожить греко-католицизм. Несмотря на это в записке от 5 ноября в общих чертах описывались те церковно-административные мероприятия, которыми можно было бы добиться общего воссоединения униатов с православными.

Замысел митрополита Иосифа опирался на его твердую убежденность в истинности Восточной Церкви, а также уверенность в том, что католицизм восточного обряда не соответствует ни религиозным, ни в широком смысле историческим интересам белорусов и украинцев. Этот замысел предусматривал участие властей и в нем использовался иерархический принцип. Согласно мнению митрополита Иосифа, чтобы разорвать союз с Римом, правительству нужно было провести реформы униатских церковных институтов. Преобразования преследовали следующие цели: 1) введение канонической автономности унии, подразумеваемой православной стороной при подготовке Брестского собора 1596 г.; 2) преодоление накопившихся во всех областях жизни греко-католической церкви проблем (их было очень много [11]); 3) максимально возможное ограждение униатского клира от влияния латинского духовенства и высшего католического общества; 4) приближение униатской церкви к Православию в церковно-административной сфере и области духовного образования.

Несложно заметить: с экклезиологической и канонической точек зрения достижение первых двух целей вело к оздоровлению униатской церковной общины и появлению некоторой доли ее независимости от Рима. Достижение последних двух целей создавало обстановку, способствующую пробуждению среди священников религиозной неудовлетворенности католицизмом и исторической памяти о православии, как спасительной святыне предков. Это должно было привести к возрождению в их среде православного мировоззрения и духовной практики, что неизбежно соответствующим образом повлияло бы на простой народ. По мысли будущего Литовского митрополита, самостоятельная крепкая хорошо управляемая униатская церковная община могла при создании определенных условий в полном составе пойти на сближение с Православием, отказаться от унии и вернуться в свое древнее исповедание. Его замысел возвращения части белорусской и украинской церкви к православному исповеданию заключался в том, чтобы подтолкнуть униатские епископат и клир к убеждению: только в Восточной Церкви хранится неповрежденная христианская Истина и религиозный интерес народа состоит в возвращении в лоно Православия. Владыка Иосиф самостоятельно пришел к этому выводу и предлагал государственной власти организовать в унии такую обстановку, чтобы к нему пришло все греко-католическое духовенство.

Т.о., прямое воздействие православных миссионеров ни на униатский клир, ни на широкие массы верующих не предусматривалось. Православная церковь в этом деле оставалась в стороне.

Благотворными для церковного организма унии реформами правительство должно было дать толчок для свободного движения униатского духовенства к православию, а затем в течение 10 – 15 лет терпеливо ожидать плодов своих действий [3, Т. 1, с. 487 – 488].

В этом экклезиологическом подходе вызывает нарекание обязательное участие государственной власти. Однако владыка Иосиф руководствовался не «казенным верноподданничеством», как это слишком часто представляют, а глубоким убеждением. Согласно его точке зрения, национальные правительства должны проявлять заботу о духовной жизни людей и, не вмешиваясь в вероучительную и сакраментальную сторону церковной жизни, содействовать развитию народной религии, исправлять ее недостатки. Унию он как раз считал недостатком, от которого нужно избавиться. Такой взгляд на отношение государства к церкви владыка приобрел в Главной католической семинарии при Виленском

университете, где основные богословские дисциплины преподавались в духе австрийской национально-религиозной политики конца XVIII в., получившей название иосифизма. Показательно, что такие же воззрения во время обучения в Европе в конце XVIII в. приобрел митрополит С. Богущ-Сестренцевич, который в результате был сторонником автокефалии католической церкви в России и стремился добиться государственного протектората над ней [6, с. 35 – 36]. Так что убеждения, позволившие высокопреосвященному Иосифу обращаться в вопросе ликвидации унии к правительству, вполне соответствовали направлению передового европейского просвещения той эпохи.

Экклезиологический подход митрополита Иосифа к общему воссоединению был единственно возможным в условиях экономической угнетенности простого народа, религиозно-культурного и морального господства полонизма и латинства. Поскольку при создании условий для эволюции униатов в православных не предусматривалось вмешиваться в вероучительную и богослужебную стороны церковной жизни, не говорилось о решительном обрыве канонической связи с Римом, не подразумевалось нарушение сложившихся столетиями церковных традиций, то противники воссоединения проигрывали дело изначально. Они ничего не могли возразить сближению с православием ни с догматической, ни с литургической, ни с канонической точек зрения. Поэтому ничего не могли остановить. В этом была сила плана владыки Иосифа. Его слабость состояла в слишком большой надежде на последовательность и терпение российского правительства, которое до той поры в отношениях с католиками обоих обрядов не отличалось ни тем, ни другим.

Предложение прелата Иосифа разорвать унию, высказанное в записке от 5 ноября 1827 г. под названием «О положении в России униатской церкви и средствах возратить оную на лоно церкви православной», вызвало живой отклик Николая I, который сразу же принял решение дать ход воссоединительному проекту [3, Т. 1, с. 55]. Император поручил заниматься подготовкой разрыва унии товарищу министра народного просвещения Д.Н. Блудову, проявившему в отличие от самого министра народного просвещения А.С. Шишкова большой энтузиазм при знакомстве с запиской Семашко от 5 ноября [4, с. 13].

На первый взгляд заинтересованность высшей власти делало успешное осуществление предложенного владыкой Иосифом проекта уничтожить унию predetermined. Однако, с одной стороны, по разным объективным и субъективным причинам императору Николаю I не удалось подвести под воссоединительный проект соответствующую его масштабу организационную базу. Все униатское дело было отдано в руки одного чиновника далеко не самого высокого ранга, что подвергало его слишком большой зависимости от личностного фактора и разного рода обстоятельств. С другой стороны, высшая власть империи не проявила в униатском деле необходимой энергии. С 1828 по 1830 г. была законодательно оформлена реформа унии, проведены наиболее важные мероприятия церковно-административного характера. В дальнейшем предстояла сложная, рассчитанная на долгие годы работа по внедрению нового порядка и перевоспитанию духовенства. Однако после восстания 1830-31 гг. подготовка общего воссоединения оказалась остановлена. До начала 1834 г. в рамках этого проекта практически не предпринималось никаких шагов.

Охлаждение власти к униатской проблеме заставило митрополита Иосифа выступить с коррекцией

плана воссоединения. В 1832 г. он сделал предложение, которое учитывало сложившиеся внутри унии после реформ условия, но меняло экклезиологическую тактику проекта. В записке от 26 июля 1832 г. «О ходе униатского дела» владыка заявил, что для благополучного завершения воссоединения необходимо подчинить униатскую церковь православной духовной власти посредством передачи дел Греко-униатской духовной коллегии в ведомство Св. Синода. При этом униатский митрополит Иосафат Булгак должен был стать постоянным членом Св. Синода.

Смысл нового предложения сводился к тому, чтобы через теснейшее соединение униатов с православными достичь постепенного и незаметного растворения греко-католиков в Православии. Подчинение Греко-униатской коллегии православному высшему церковному управлению, по мысли владыки, должно было произвести такой эффект: «Существование коллегии не воспретит Святейшему Синоду делать и непосредственные предписания прежде архиереям, а после и консисториям греко-униатским – сии предписания, если особенно пользоваться вначале благоприятными случаями, будут для них лестны и нечувствительно приведут коллегию в совершенное забвение. Она тогда, выбытием из обращения или обращением членов к другому назначению, сама собою закроется, и Святейший Синод станет управлять беспрепятственно греко-униатскими епархиями наравне с греко-российскими... Униаты, составляющие две нынешние епархии, рассеяны по десяти губерниям, из коих в шести имеются епархии греко-российские. Можно будет еще и при существовании греко-униатской коллегии, подчинить постепенно униатские церкви сим шести епархиям, оставив только с начала на воле духовенства относиться к униатским архиереям в нуждах совершенно духовных, именно: за великим миром и посвящением в духовный сан. Отдаленность, ласковое обращение православных духовных начальств и другие, совокупно с сим действующие преобразовательные меры, заставят их самих вскоре отказаться от сего права. Таким образом половина униатов отойдет в ведение греко-российских архиереев... Тогда уже и сии две епархии (униатские Белорусская и Литовская – А.Р.) можно будет включить в число греко-российских, назначив к ним архиереев православных, или униатских, к греко-российской церкви совершенно присоединившихся, и вместе с сим подчинить им греко-российские церкви, в пределах сих двух епархий имеющиеся. Между тем, с подчинением Святейшему Синоду греко-униатской коллегии, обе униатские семинарии также уездные училища отойдут в ведомство комиссии духовных училищ. Тут воспитание получит самое деятельное участие в преобразовании униатского духовенства. Нынешние греко-униатские учебные заведения заместятся постепенно учителями из воспитанников греко-российских духовных академий. Униатское духовное юношество рассеется по учебным заведениям восьми греко-российских епархий и трем академиям, и, смешанное в столь огромной массе православных, необходимо должно совершенно измениться и верою и образом мыслей» [3, Т. 1, с. 601 – 602]. На полное растворение униатов в православии, по предположению владыки, требовалось не более трех или четырех лет [3, Т. 1, с. 602].

Т.о., если первоначально православная церковь не должна была участвовать в подготовке воссоединения, то теперь ее роль становилась решающей. Такая перемена преследовала следующие цели: во-первых, сделать проект менее подверженным колебаниям настроений властей; во-вторых, ускорить приближение воссоединения.

Предложение митрополита Иосифа не было одобрено императором. Все оставалось на прежних основаниях. В такой ситуации появилась и начала активно развиваться организованная епископом Смарагдом православная миссия. По мнению преосвященного Иосифа, усилия православных миссионеров могли затронуть лишь малую часть униатов, прежде всего крестьян, принадлежавших православным помещикам, а остальных невозвратно оттолкнуть в латинство, что для проекта общего воссоединения означало полный провал. Поэтому в записке от 25 октября 1833 г. «О ходе униатского дела и о частном присоединении униатов православным духовенством» митрополит Иосиф подверг жестокой критике деятельность епископа Смарагда и повторил предложение подчинить Греко-униатскую духовную коллегия Св. Синоду. Николай I вновь дал отрицательный ответ. Не обращая внимания на это, митрополит Иосиф в начале 1834 г. по собственной инициативе начал проводить на иерархические должности людей разделявших его взгляды, которых оказалось достаточно много, а также приступил к проведению литургической реформы. Она, по его мнению, обязательно должна была предварить передачу униатов в ведение православного высшего церковного управления. Наконец, с этого времени архиерей-воссоединитель лично и через своих единомышленников начал процесс убеждения униатских священников в истинности православия и необходимости присоединиться к нему. То есть он был уверен, что в сложившихся обстоятельствах его подход является единственно правильным.

Столкновение разных экклезиологических подходов к разрыву унии не остался незамеченным Николаем I. Однако он не решился сделать выбор в пользу одного из них. Вместо этого он постарался в 1834 г. ограничить ревность православных миссионеров, а для согласования разных точек зрения на решение униатской проблемы в 1835 г. им по совету святителя Филарета Московского был создан Секретный комитет по униатским делам, состоящий из духовных и светских лиц.

Работа Секретного комитета оказалась бесплодной. Слишком противоположные экклезиологические взгляды были у владыки Иосифа, поддерживавшего его Д.Н. Блудова и сторонников частных присоединений, возглавляемых обер-прокурором Св. Синода С.Д. Нечаевым. Найти компромисс оказалось невозможно. Для Семашко следствием работы в Секретном комитете стало еще более ясное осознание того, что без приведения в жизнь в полном объеме его предложения 1832 г. воссоединить униатов нельзя. Исходя из этого он пользовался всякой возможностью, чтобы униатская церковь была передана под управление Св. Синода. Уступая этим требованиям 1 января 1837 г. Николай I решил передать Греко-униатскую духовную коллегия в ведомство Пр. Сената и поручить воссоединительный проект ново назначенному обер-прокурору Св. Синода Н.А. Протасову. Это была полумера, но она все-таки давала надежду на координацию действий между стремящимися к воссоединению униатами и православным духовным начальством.

Передача воссоединительного проекта в руки Н.А. Протасова позволила епископу Иосифу вновь представить свое видение проблемы и попытаться реализовать в полном объеме замысел растворения унии в Православии. Для этого 4 января 1837 г. он подал обер-прокурору записку «О положении униатского дела и способах доведения оногo к предположенной цели». В этом документе владыка, помимо прочего, описал три пути окончательной ликвидации унии. Первый: «Главным распоряжением

– объявить общее присоединение униатов к православной церкви» [3, Т. 2, с. 3]; второй: «Продолжать начатое православным духовенством миссионерское обращение униатов» [58, Т. 2, с. 4]; третий: «Развернуть во всем пространстве начатое уже подчинение униатского духовенства православным духовным начальствам» [3, Т. 2, с. 4]. Первый путь Семашко из тактических соображений назвал «по своей решительности» [58, Т. 2, с. 3] самым лучшим, но неприемлемым. Дело в том, что это требовало «резких и сильных средств со стороны правительства» [3, Т. 2, с. 3], иначе говоря, репрессий, неизбежно ведущих к уходу большинства греко-католиков в римский обряд, а значит, полному провалу общего воссоединения. Второй путь, по его мнению, вызовет «волнение и беспокойство умов на неопределенное, вероятно, долгое время» [3, Т. 2, с. 4]. Впрочем, в этом случае склонные к воссоединению униатские епископы могут косвенным и незаметным образом помочь православным миссионерам, удерживая униатов от перехода в чистое латинство. Наконец, третий путь – это реализация в полном объеме предложений 1832 г. Преосвященный Иосиф видел в них меру, которая «исключает важные неудобства обеих предыдущих, соединяя в себе совершенно все их выгоды» [3, Т. 2, с. 4]. Одновременно владыка указал на то, что православная миссия играет на руку латинянам, которые, в ответ тайно переводят униатов в римский обряд. По его данным, косвенно полученным из анализа статистики министерства внутренних дел, касающейся численности народонаселения западных губерний, в Белорусской епархии только за 1834 г. униаты лишились в пользу латинства не менее 25 000 человек [3, Т. 2, с. 3], в основном детей униатских родителей, крещенных в костелах. То есть громко рекламируемые миссионерские успехи епископа Смарагда симметрично уравновешивались успехами римлян, совершенно покрытых молчанием.

Н.А. Протасов отнесся к записке Иосифа Семашко с полным вниманием. Особенно его встревожили данные о продолжающемся размывании унии латинским духовенством. В июне 1837 г. по его ходатайству епископ Смарагд был переведен из Полоцка на Могилевскую кафедру. С его уходом из региона компактного проживания униатов частные присоединения практически прекратились. Они продолжались лишь по инерции и составили в 1837 г. только 2500 человек в имениях православных помещиков [18, с. 251 – 257]. В итоге в 1837 г. препятствие воссоединительному проекту в виде прямой православной миссии было устранено.

В то же время смена руководителя проекта не принесла ожидаемых владыкой перемен. Н.А. Протасов, в отличие от Д.Н. Блудова, был человеком решительным, но в то же время он не видел в епископе Иосифе своего советника и помощника. Более того, Протасов, который, по мнению И. Филевича, был «питомец и слуга иезуитов», «держал себя очень двусмысленно по отношению к преосвященному Иосифу» [16, с. 314]. Недоброжелателем владыки также оказался сочувствующий католикам ближайший сотрудник обер-прокурора К.С. Сербинович. Показательны его заметки на отчет Иосифа Семашко об обозрении униатских епархий в 1837 г. Сербинович не только подверг критике практически все положения отчета, но и сделал такое замечание: «Епископу Иосифу духовенство не только не имеет доверия, но даже питает ненависть» [9, л. 115]. В целом владыка не сумел сделать Протасова своим единомышленником. Он постоянно пытался доказать обер-прокурору необходимость приведения в действие всего комплекса предложений 1832 г., но не сумел ничего добиться. С начала

1837 по конец 1838 г. проект общего воссоединения окончательно остановился. Прекратились и заседания Секретного комитета. Протасов не прислушивался к советам владыки Иосифа и старался помимо него собирать необходимую информацию через других епископов и посылая в униатские епархии своих доверенных лиц, например камергера В. Скрипицына [10, л. 1 – 24]. Только сведения о готовности священников Литовской епархии перейти в православие, подкрепленные их личными подписками, собранными владыкой Иосифом, волнения духовенства в Белорусской епархии в 1838 г. и общее мнение всех посвященных в дело высокопоставленных лиц заставили Протасова бесповоротно поставить вопрос об окончательном решении униатской проблемы. Спрошенный по этому поводу, преосвященный Иосиф 1 декабря 1838 г. вновь высказался за подчинение Греко-униатской коллегии Св. Синоду и постепенному растворению униатов в Православии. Он не видел другого пути, был против созыва собора униатского духовенства, считая его излишним. За соборное решение высказался святитель Филарет Московский, полагавший такую форму возвращения к православному исповеданию более экклезиологически обоснованной и опасавшийся, что часть униатского духовенства может воспротивиться воссоединению, спровоцировав волнения в крае. В конце декабря 1838 и в начале января 1839 г. на заседаниях Секретного комитета, состав которого был полностью изменен и в котором теперь не присутствовал ни один представитель ни униатского, ни православного духовенства, что со всей очевидностью раскрывает настоящее отношение обер-прокурора Протасова, председательствовавшего в нем, к униатскому делу, был принят план окончательного воссоединения, предложенный святителем Филаретом. Предложение епископа Иосифа члены Секретного комитета отвергли [8, л. 1 – 18 об].

Создается впечатление, что окончательное воссоединение совершилось не по замыслу архиерея-воссоединителя. Но это только на первый взгляд. Полоцкий собор оказался громким событием, но он не поставил окончательную точку. После него не произошло всенародное объявление о разрыве унии. Этот факт служит поводом для разного рода спекуляций в исторической литературе и, действительно, выглядит очень странно. Но все становится на свои места, если обратить внимание на то, что фактическим воссоединением стала передача Греко-униатской духовной коллегии в ведение Св. Синода, после чего последовал растянувшийся на весь 1839 и 1840 г. процесс растворения униатов в православии. Он выразился, помимо прочего, в том, что многих священников и в Литовской, и особенно в Белорусской епархиях убеждали в необходимости воссоединения и брали от них подписки о желании присоединиться к православной церкви и в 1839, и даже в 1840 г. Церковно-административное перераспределение приходов между древлеправославными и воссоединенными кафедрами продолжилось вплоть до 1841 г. Народу до начала октября 1839 г. вообще не объявляли, что он отныне православный. Все вместе это свидетельствует о том, что план владыки Иосифа от 1832 года, заключающийся в растворении униатов в Православии, отвергли, но после Полоцкого собора на практике был осуществлен именно он. Правда, в ускоренном и искаженном виде. Издержкой последнего стала высылка их западных губерний 40 униатских духовных лиц, недостаточно убежденных в религиозной справедливости ликвидации унии [7, л. 43].

Итак, ликвидация унии в Российской империи осуществлялась на основании общей православной

эксклезиологии. В то же время существовали разные подходы, которые в разной степени соответствовали реалиям жизни униатской церкви. Первый состоял в прямой православной миссии. Он был наиболее приемлем для православного эксклезиологического сознания, но вел к очень незначительным успехам и окончательной потере для Восточного Христианства значительной части белорусско-украинской церкви. Это было замечено правительством, в результате чего миссия православной церкви была остановлена. Вторым подходом предусматривалось общее воссоединение униатов с православными. Он реализовывался как церковно-государственный проект, инициатива появления которого целиком и полностью принадлежит митрополиту Иосифу Семашко. В рамках этого проекта владыка Иосиф пытался реализовать два замысла разрыва унии. Они были генетически связаны, не противоречили друг другу, но отличались некоторыми сторонами подхода к делу. Замысел 1827 г. состоял в создании с помощью реформ греко-католических церковных институтов таких условий, которые должны были способствовать постепенному свободному перерождению униатского клира в православный. Замысел 1832 г. заключался, если так можно выразиться, в подталкивании униатских духовных лиц к православию посредством подчинения высшего церковного управления унии высшему церковному управлению Русской православной церкви. Это вело к тесному контакту униатского и православного духовенства, за которым неизбежно следовало незаметное, ненасильственное растворение католиков восточного обряда в господствующем вероисповедании. Причина необходимости корректировать планы состояла в неопределенности позиции императора Николая I по отношению к униатам. Из нее вытекал не соответствующий масштабу проекта организационный подход. Замысел 1827 г. удалось реализовать только в первой его части – реформировании церковных институтов унии. Замысел 1832 г. официально не был принят, но его, из-за отсутствия действенной альтернативы, правительству пришлось осуществить уже после Полоцкого собора в ускоренном темпе и с неизбежными искажениями. Складывается впечатление, что с 1830 по 1839 г. у посвященных в дело высокопоставленных государственных сановников не было не только конкретного плана разрыва унии, но и ясного представления, что с унией делать. Все попытки выработать такое представление оказались несостоятельными. В итоге только благодаря энергии, твердости, личной инициативе и последовательности митрополита Иосифа был реализован его эксклезиологический подход к разрыву унии. Только благодаря этому подходу уния в пределах Российской империи в 1839 г. перестала существовать.

1. Бендин, А. Религиозная толерантность в Российской империи как этнообразующий и консолидирующий фактор (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А. Бендин // Кафоликия: сборник научных статей / под ред. А.В. Данилова. – Минск: Тессей, 2003. – С. 96 – 109.
2. Вениамин, Архиепископ Нижегородский и Арзамасский. Новая Скрижаль или объяснение о Церкви, о Литургии и о всех службах и утварях церковных: в 2 т. / Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Вениамин. ? Москва: Русский Духовный Центр, 1992. ? Т. 2. ? 256 с.
3. Иосиф, (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: в 3 т. / И. Семашко, митрополит. – Санкт-

Петербург: Типография императорской Академии Наук, 1883.

4. Коялович, М.О. Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Академиею наук по завещанию автора. Три тома / М.О. Коялович. – Санкт-Петербург: Типография «Журнала Министерства народного просвещения», 1884. – 12 с. – Прил.: Записки Д.Н. Блудова и письмо к нему М.Н. Муравьева об ускорении дела воссоединения.

5. Носко, М. Униатская церковь в начале XIX века и подготовка к воссоединению с Православием: дисс. ... канд. богословия / М. Носко, Московский Патриархат; Белорусская Православная Церковь; Минская Духовная Академия им. Свт. Кирилла Туровского, каф. Церковной Истории. – Жировичи, 2000. – 158 с.

6. Попов, М.А. Митрополит С. Богущ-Сестрэнцевич: роль в формировании правительственной политики по отношению к Римско-католической церкви на белорусских землях (конец XVIII – первая четверть XIX в.): дис. ... канд. истор. наук: 07. 00. 02 / М.А. Попов. – Минск, 2007. – 150 с.

7. РГИА в Петербурге. – Фонд 1661. – Оп. 1. – Д. 415. Журнал заседания Синода по вопросу воссоединения униатов с Православной церковью, с указами Синода епископам Западных губерний по осуществлению воссоединения (и черновые заметки Сербиновича по подготовке текста указов). Письма из Витебска о ходе воссоединения.

8. РГИА в Петербурге. – Фонд 1661. – Оп. 1. – Д. 416. Журнал заседаний секретного комитета «для совещания о мерах касательно воссоединения грекоуниатской церкви с православной» с инструкцией ген.-губернаторам западных губерний по осуществлению этих мер. Постановление Высочайше утвержденного Секретного Комитета для совещания о мерах касательно воссоединения униатской церкви. 1838 г. декабря 22 и 26.

9. РГИА в Петербурге. – Фонд 1661. – Оп. 1. – Д. 418. Проект Инструкции Генерал-Губернаторам западных губерний в связи с проведением мероприятий по воссоединению грекоуниатов с православной церковью (с заметками Сербиновича К.С.) и записки Сербиновича К.С. и др. лиц по этому поводу с изложением истории унии.

10. РГИА в Петербурге. – Фонд 796. – Оп. 8. – Д. 24165. О командировании в Западные губернии с особым поручением состоящего за обер-прокурорским столом в Святейшем Синоде Камергера Скрипицына.

11. Романчук, А., священник. Греко-католическая церковь в пределах Российской империи в первой трети XIX в.: проблемы и перспективы / А. Романчук, священник // Церковно-исторический вестник. – 2008. – № 15. – С. 56 – 83.

12. Сидоров, А.И. Преосвященный Илларион (Троицкий) как богослов и церковный ученый / А.И. Сидоров // Архиепископ Владимир (Троицкий). Очерки из истории догмата о Церкви. – Москва: Грааль, 1997. – С. XVI – XLI.

13. Смолич, И.К. История Русской Церкви 1700 – 1917: в 2 ч. / И.К. Смолич. – Москва: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – Ч. 2. – 799 с.

14. Уния в документах: Сб./сост. В.А. Теплова, З.И. Зуева. – Минск: «Лучи Софии», 1997. – 520 с.

15. Филарет, (Дроздов), митрополит. Собрании мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского

и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: в 7 т. / Ф. Дроздов, митрополит. – Санкт-Петербург; Москва: Синодальная типография, 1885 – 1887.

16. Филевич, И. К 50-летию воссоединения западно-русских униатов / И. Филевич // Русский вестник. ? 1889. ? № 7. – С. 1?24. 197

17. Шабатин, И. Из истории воссоединения белорусских униатов / И. Шабатин // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – № 8. – С. 37 – 49; 1951. – № 2. – С. 35 – 47; № 6. – С. 59 – 63; № 10. – С. 47 – 54; № 11. – С. 51 – 60.

18. Шавельский, Г., протопресвитер. Последнее воссоединение с православною церковию униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / Г. Шавельский. – Санкт-Петербург: Типография «Сельского вестника», 1910. – 380 с.